

УДК 316.45

СЯРГЕЙ КАНДРЫЧЫН,

PhD социологии, врач 1-й городской клинической больницы г. Минск, Беларусь

Региональная дифференциация уровня производственного травматизма в Украине и Беларуси: социоисторическая интерпретация явления

Аннотация

Между западными и восточными областями Украины и Беларуси регистрируются различия по ряду социальных, демографических и медико-социальных показателей. Комплексный характер региональных отличий и их устойчивость предполагают значимость исторических причин в процессе формирования региональной специфики. В наиболее обобщенной интерпретации социальное пространство Украины и Беларуси следует рассматривать как сферу исторического соперничества двух цивилизаций: западной (латинской) и восточной (православной России). Историческое влияние с запада и востока обусловило формирование специфических социокультурных регионов. В настоящей работе рассматривается характер регионального распределения и динамика показателя производственного травматизма в зависимости от исторической зональности Украины и Беларуси. На основании имеющихся данных делается вывод о разной степени достоверности показателей производственного травматизма в советский период и на современном этапе.

Ключевые слова: *западная/восточная цивилизации, социокультурные регионы (Украина и Беларусь), социоисторические факторы производственного травматизма*

История Украины и Беларуси, в значительной части, — это история контактов и соперничества двух цивилизаций: западной (латинской) и восточной (православной, или русской) (см., напр.: [Абдзіраловіч, 1993; Braudel, 1994, 1995; Huntington, 1993]). В предыдущих исследованиях были продемонстрированы формы и способы проявлений региональных особенностей на оси “восток–запад” в современном поле общественной жизни Украины и

Беларуси [Kondrichin, Lester, 1998, 2002; Кандрычын, 1999, 2008, 2010; Саллий, 2005]. Межрегиональные различия обнаруживают себя по целому ряду показателей, которые наряду с известными показателями политической и религиозной жизни включают набор социальных, демографических и медико-социальных характеристик. Исходя из комплексного характера региональной дифференциации, был сделан вывод о существовании устойчивых отличий культурной среды и ментальных характеристик населения западных и восточных регионов. Своеобразие культурной сферы и сферы ментальности демонстрирует устойчивость в течение длительного, по историческим меркам, отрезка времени. Региональная специфика проявляет свою жизнестойкость даже несмотря на попытки социальной и культурной унификации, предпринятые в советский период. Есть основания полагать, что представленный феномен обусловлен действием исторических структур и его можно описать в рамках концепции *longue durée*, известной из трудов Броделя и других представителей школы Анналов [Braudel, 1994, 1995; Vovelle, 1990].

В настоящем исследовании предлагается рассмотреть характер регионального распределения показателя производственного травматизма в контексте исторической зональности Украины и Беларуси. Формирование этого показателя находится под влиянием комплекса характеристик культурной среды, причем действие культурных факторов тут многонаправленное. Среди основных составляющих культурной среды, ответственных за формирование показателя производственного травматизма, необходимо выделить следующие: эффективность работы по созданию надлежащих условий на производстве; контроль за соблюдением технологического процесса (культура организации и технологическая дисциплина); соблюдение каждым работником мер безопасности и выполнение требований трудовой дисциплины (культура личности и персональная дисциплина); соблюдение порядка регистрации и составления отчетности о случаях производственного травматизма (как элемент производственной дисциплины и культуры производства); соблюдение прав работника и уважительное отношение к его здоровью и жизни (проявление общей культуры и соотношение с ценностями цивилизации). Принимая во внимание исторически обусловленное различие характеристик культурной среды в западных и восточных регионах Украины и Беларуси, следует ожидать межрегиональных различий и в уровне травматизма на производстве.

В предыдущих исследованиях была предложена и апробирована методика сравнения региональных показателей Украины и Беларуси в зависимости от исторической зональности обеих стран [Кандрычын, 2008, 2010; Kandryčyn, 2008]. С целью выделения отдельных групп регионов было использовано понятие “историческая граница”. На территории современной Беларуси и Украины наиболее значимый исторический эффект имели две линии раздела:

- граница 1772 года, или граница, существовавшая до начала раздела Речи Посполитой и последующего включения Беларуси и правобережной Украины (1793 г.) в состав Российской империи;
- граница 1939 года, которая существовала до начала Второй мировой войны и была ликвидирована с присоединением западных территорий Беларуси и Украины к СССР.

Необходимо отметить методологическую условность предложенных геосторических ориентиров, поскольку понятие “исторической границы” включает не только конкретно-историческое значение, заданное узким временным промежутком (например, 1921–1939 годы), но и широкий контекст цивилизационного развития, имеющий свою предысторию и предполагающий свой “социальный капитал”.

Характер современного административного деления Беларуси и Украины позволяет провести сравнительные региональные исследования в историческом аспекте. На территории Украины можно выделить три исторические группы регионов:

- восточная, которая включает 13 областей левобережной Украины и южные регионы страны, в том числе и Крым. На этой территории наиболее выражено влияние русской (православной) цивилизации;
- центральная, включающую 5 правобережных областей в центре страны; до 1793 эта территория входила в состав Речи Посполитой (Киев исключен из исследования);
- западная — 7 областей, территория которых до 1939 года находилась в составе Польши (5 областей), Чехословакии и Румынии (по одной области); в XIX и начале XX столетия большая часть этой территории входила в состав Австро-Венгерской империи.

До 1772 года вся территория современной Беларуси входила в состав Речи Посполитой. После раздела Польши она вошла в состав Российской империи. Последним историческим разделом страны, или наиболее поздней “исторической травмой”, следует считать границу на ее территории между СССР и Польшей, которая просуществовала до начала Второй мировой войны.

Две западные области — Брестская и Гродненская — и две восточные — Гомельская и Могилевская — до 1939 года целиком находились по разные стороны польско-советской границы. Поэтому настоящее сравнение показателей этих двух западных и двух восточных областей Беларуси может отражать долговременные последствия прежнего политического деления.

Оценка различий характеристик социального пространства групп регионов Беларуси и Украины проводилась относительно границы 1939 года. Для Украины были использованы также данные о региональном делении 1793 года.

В рамках исследования линия границы 1939 года была использована как методологический инструмент, позволяющий, более или менее успешно, оперировать соответствующими характеристиками социального пространства и выявить общие закономерности их распределения. Вместе с тем исторические механизмы, которые обуславливают региональную дифференциацию, действуют независимо от хронологии существования границы; это обстоятельство лишь придало им соответствующую географическую форму. Следует отметить, что эта форма исторически изменчива и аналогичные геосторические проявления и их исторический фундамент были видны уже раньше [Смоліч, 1993].

В работе использованы официальные статистические данные, представленные в отчетных публикациях центральных статистических учреждений Украины и Беларуси.

Следует отметить, что проведение сравнительного анализа региональных показателей производственного травматизма требует выполнения процедуры стандартизации материала исследования. Прежде всего тут имеется в виду существование различий в уровне травматизма в различных отраслях промышленности и типах хозяйственной деятельности. Отрасли промышленности, связанные с повышенным риском травматизма, неравномерно представлены в выделенных региональных группах (главным образом это относится к Украине). Провести процедуру стандартизации в полном объеме и сравнить региональные показатели травматизма по отдельным отраслям в рамках настоящего исследования нет возможности. Тем не менее преодолеть методологические затруднения возможно, проводя условную стандартизацию. Прежде всего это означает, что из анализа должны быть исключены регионы, где сконцентрированы отрасли с высоким риском травматизма (горнодобывающая промышленность) — это Донецкая и Луганская области. Эти области имеют самые высокие показатели производственного травматизма в Украине. После исключения этих двух областей восточный регион будет представлен 10 областями и Автономной Республикой Крым.

Кроме того процедура социоисторического анализа исходно предполагает относительную равномерность в распределении риска производственной травмы между оставшимися регионами¹. Такое методологическое уравнивание составляет неотъемлемое условие для проведения сравнения крупных территориальных единиц, и в то же время это неизбежный недостаток подобного рода анализа, вынужденно игнорирующего локальную специфику.

Сформулировав предположение о комплексном влиянии факторов культурной среды на показатели производственного травматизма, я допускаю их относительно равный вклад в производственной сфере регионов. Известно, что в различных сферах производственной деятельности показатели травматизма отличаются. Так, по официальным данным, показатели травматизма в строительстве и в сельском хозяйстве, как правило, превышают аналогичные показатели в сфере транспорта и промышленности. Отсюда следует необходимость допущения о том, что соотношение опасных в плане травматизма отраслей хозяйственной деятельности относительно сходно в экономической структуре различных регионов. Учитывая неизбежные ограничения такой методологической позиции, настоящее исследование следует рассматривать скорее как начальный этап верификации гипотезы о роли исторических факторов в формировании показателей производственного травматизма.

На основании представленной выше методики выделения трех исторических регионов Украины (с учетом исключения двух областей из восточной группы) проведено сравнение средних показателей производственного травматизма со смертельным исходом (рис. 1).

Распределение показателей производственного травматизма в целом отражает характер исторического районирования территории Украины. Выявлено стойкое отличие в уровне травматизма между западной и восточной группами регионов, причем в период с 1985 по 2002 год это различие было статистически значимым (t -test, $p < 0,05$). Уровень травматизма в

¹ В Беларуси среди представителей различных специальностей случаи производственного травматизма наиболее часты среди слесарей, трактористов и водителей.

центрального историческом регионе находился, как правило, между показателями полярных регионов.

Подобный характер пространственного распределения показателей производственного травматизма в целом отвечает направленности градиента показателей социального неблагополучия, который демонстрирует рост в направлении с запада на восток [Кандрычын, 2008; 2010].

Представленные результаты соответствуют логике приведенных выше суждений о комплексном влиянии культурной среды на различные проявления общественной жизни, о зависимости характеристик социального пространства от исторических факторов и об относительной устойчивости их проявления.

Следует отметить, что после 2002 года соотношение рассматриваемых региональных показателей начало меняться — на фоне общего снижения показателя производственного травматизма в целом по стране его уровень в трех группах регионов начал заметно выравниваться. Более убедительно о существовании подобного “выравнивания” свидетельствуют общие показатели производственного травматизма по выбранным регионам (то есть травматизма с утратой трудоспособности сроком на одни сутки и более и со смертельным исходом) (рис. 2). Прежде всего бросается в глаза обвальное снижение общего уровня показателя производственного травматизма за короткий отрезок времени — в целом по стране в 2007-м по сравнению с 1990-м этот показатель уменьшился в 3,8 раза — с 62 до 16 (на 10 000 работающих) (рис. 3). Причем на фоне такого снижения показателя (скорее мнимого, чем реального) регистрируется заметное уменьшение межрегиональных различий. Так, если в 1980-х и 1990-х годах различие показателей западных и восточных регионов было статистически значимым, то в начале нового столетия фиксируется лишь тенденция проявления указанного различия. Представленный феномен следует оценить после представления результатов сравнительного регионального анализа на материале регионов Беларуси.

В целом для Беларуси в период после обретения независимости в 1991 году характерна аналогичная тенденция быстрого снижения официально регистрируемого уровня производственного травматизма. К 2007 году по сравнению с 1990 годом этот показатель уменьшился в 5 раз (с 45 до 9 на 10 000 работающих). Аналогичная тенденция выравнивания показателя наблюдалась и на региональном уровне. Напомню, что в случае Беларуси социоисторическое сравнение можно проводить между двумя восточными (Могилевская и Гомельская) и двумя западными (Брестская и Гродненская) областями. До 1939 года эти области были разделены линией государственной границы между СССР и Польшей.

Характер распределения данных об уровне производственного травматизма по западным и восточным регионам Беларуси требует выделения двух отдельных этапов. Первый этап — до 1996-го, когда регистрировались устойчивые различия по этому показателю между группами регионов. Второй этап начался после 1996 года и характеризовался быстрым “стиранием” региональных различий показателей уровня производственного травматизма.

Ниже представлена динамика характера распределения среднего значения показателя производственного травматизма в западных и восточных регионах отдельно для первого (рис. 4а) и второго этапа (рис. 4б). Подчеркну, что на этих графиках представлена общая доля потерпевших от несчаст-

ных случаев на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более вместе со случаями смертельного исхода на 10 000 занятых на производстве. Динамика показателя травматизма со смертельным исходом для западных и восточных областей Беларуси представлена отдельно на рисунке 5. Из графика видно, что этот показатель также демонстрирует региональную дифференциацию до 1996 года и практически отсутствие ее после 1996-го, а в последние годы это соотношение буквально начало “плясать”.

Отмечу, что в 2002 году показатель травматизма со смертельным исходом для западных и восточных областей Беларуси составлял около 0,06 (на 1 000 работающих), таков же был уровень травматизма по этому показателю и для западных областей Украины. В целом для Беларуси и Украины он был равен соответственно 0,059 и 0,1, тогда как для России в этом же году — 0,138 (подобный ранговый порядок указанных стран по показателям травматизма регистрируется в течение длительного периода) [Статистика СНГ, 2009].

Однако сама процедура сравнения межнациональных (как и межрегиональных) показателей в данном случае имеет очевидные ограничения, что связано с изменением социально-экономических условий хозяйствования после 1991 года, а также с особенностями политической ситуации и проводимой экономической политики в каждой из стран. Тем не менее, на примере динамики официально регистрируемого производственного травматизма можно говорить и о схожести социально-экономических процессов на национальном и региональном уровне Украины и Беларуси.

На основании официальных показателей трудно судить о том, как в действительности изменился уровень производственного травматизма после 1991 года. Снижение уровня травматизма тут может быть скорее результатом снижения реальных объемов производства и числа занятых, закрытия или простоев в работе многих предприятий, распространения явления неполной трудовой занятости и длительных отпусков, развития частного сектора (что может сказываться в недоучете фактов травм на производстве), изменения порядка и условий регистрации фактов травматизма и некоторых других причин организационного характера. Сказывается также эффект структурных изменений в экономике — развитие малого и среднего бизнеса, увеличение числа малых предприятий. При этом начиная с 2008 года национальный статистический комитет Беларуси публикует данные о производственном травматизме без учета организаций с численностью работающих менее 15 чел. [Регионы Республики Беларусь, 2009]. В новых условиях хозяйствования реальные цифры производственного травматизма методологически трудно уловимы, они “расплываются” в силу нескольких причин. К основаниям статистической недостоверности относятся несоответствие между общим числом работников предприятий и числом лиц, реально занятых в процессе производства (то есть реальным количеством человеко-часов), а также ужесточение требований экономического и административного характера к самой процедуре регистрации факта травмы на производстве.

По-особому примечательна ситуация с изменением региональных показателей производственного травматизма в Беларуси. Во многом она отражает характер социально-политической ситуации в стране. Сформированная здесь после 1995 года система руководства стимулирует заинтересованность отдельных чиновников в достижении “лучших” показателей. В этой заинтересованности довлеет экономический компонент (например, связан-

ный с компенсацией за причиненное увечье или неизбежными затратами на модернизацию производства), но не только это. Факты производственного травматизма имеют административные и юридические последствия, они влияют на оценку работы отдельных служб и руководства предприятия, поэтому логично предположить, что при помощи определенных манипуляций заинтересованные лица будут пытаться достичь более благоприятных для себя результатов. Вероятно, именно новые условия хозяйствования и своеобразии социальной и политической ситуации в стране ускорили “выравнивание” региональных показателей производственного травматизма в Беларуси по сравнению с Украиной.

В личных беседах с рабочими и инженерами предприятий, имеющими большой трудовой стаж, автору неоднократно приходилось слышать, что в настоящее время по сравнению с советским периодом и началом 1990-х искажение данных и утаивание случаев производственного травматизма стало широко распространенной практикой. Как рассказывал один из моих собеседников: “да они просто озверели с этим травматизмом. Только я подхожу к медпункту — окалина попала в глаз — меня уже встречают (представители администрации) — сажают в машину и везут в больницу”, где случай регистрируется как бытовая травма (Геннадий Ш.).

В то же время говорить об уникальности значения социальных и политических факторов в региональной динамике показателей травматизма для Беларуси в длительной исторической перспективе, учитывая сходные данные по Украине, не представляется возможным.

На данном случае мы сталкиваемся сразу с двумя косвенными критериями недостоверности статистических данных. Во-первых, заинтересованность в конкретных показателях статистической отчетности государственных служащих. Во-вторых, “внезапное” (если учесть реальную социально-экономическую ситуацию регионов) изменение характера распределения межрегиональных показателей. Устойчивость региональных показателей, отсутствие внезапных перепадов является одним из косвенных критериев достоверности данных. Их же скачкообразное изменение помимо артефактов калькуляции может быть обусловлено серьезными социальными потрясениями либо радикальной трансформацией всех устоев общества. В научном аспекте нет возможности (и логической целесообразности) верификации этих утверждений; в большей мере они останутся лишь гипотезой. Поэтому в методологическом плане необходимо учитывать, что в современных условиях достоверность региональных показателей производственного травматизма в Украине и Беларуси весьма сомнительна.

Таким образом, сравнительный социоисторический анализ региональных показателей производственного травматизма по регионам Украины и Беларуси позволяет в итоге судить сразу о двух различных процессах:

- во-первых, указывает на наличие устойчивых различий между восточными и западными регионами до 1996 года для Беларуси и до 2000 года для Украины;
- во-вторых, ставит под сомнение достоверность современных данных официальной статистики в этой сфере, причем схожесть в характере изменения показателя травматизма в обоих странах позволяет предполагать действие аналогичных социальных механизмов, обуславливающих искажение этого показателя.

Следует учитывать и тот факт, что закрытость данных о производственном травматизме в советский период оказывалась фактором, способствующим достоверности официальных данных. Поэтому рассматриваемый случай служит свидетельством того, что достоверность и значимость социальных и демографических показателей определяются социально-историческими условиями их регистрации.

Ограничения исследования и выводы

По ходу изложения материала неоднократно подчеркивались неизбежные ограничения, связанные с анализом региональных показателей производственного травматизма. Их преодоление предполагает расширение анализа и использование комплекса различных методологических процедур. Однако представленные результаты можно расценивать как первичный этап верификации гипотезы о влиянии исторических причин на процесс формирования региональных показателей производственного травматизма. При этом действие исторических механизмов, вероятно, может проявляться посредством устойчивых характеристик культурной среды регионов. Есть основания полагать, что на определенных этапах исторического развития региональные показатели производственного травматизма, в совокупности с другими социальными и демографическими показателями, могут быть использованы для анализа механизмов действия устойчивых структур истории, *longue durée*.

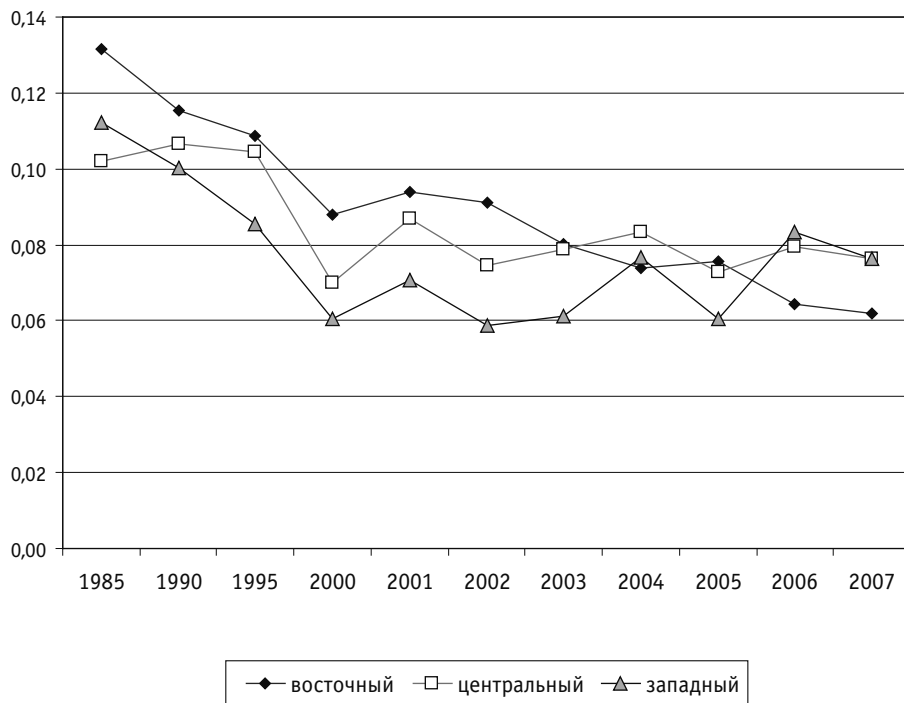

Рис. 1. Динамика показателей производственного травматизма со смертельным исходом (на 1 000 работающих) по трем историческим регионам Украины (1985–2007) (представлены средние значения по регионам)

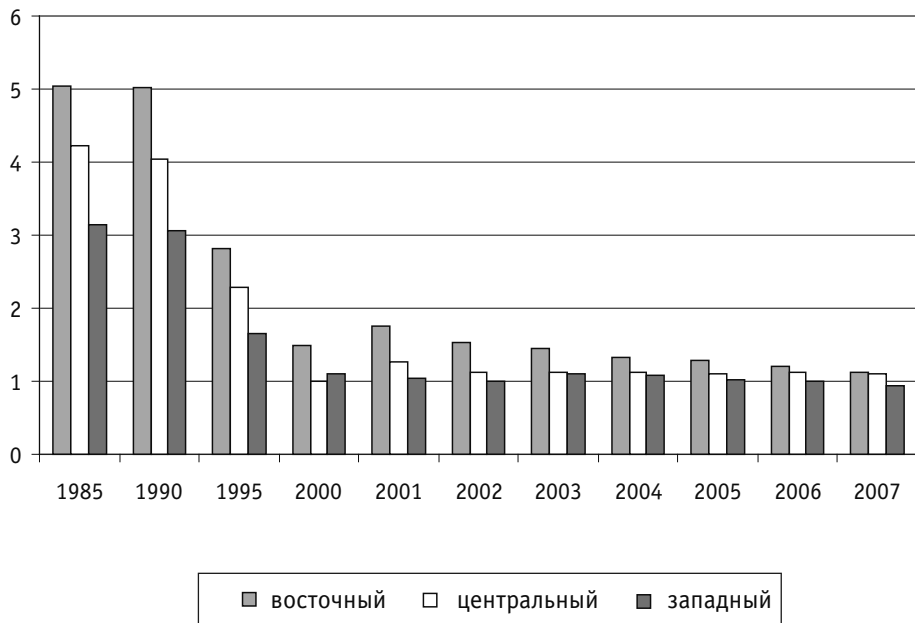

Рис. 2. Динамика показателей производственного травматизма (число потерпевших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом, на 1 000 работающих) по трем историческим регионам Украины (1985–2007) (представлены средние значения по регионам)

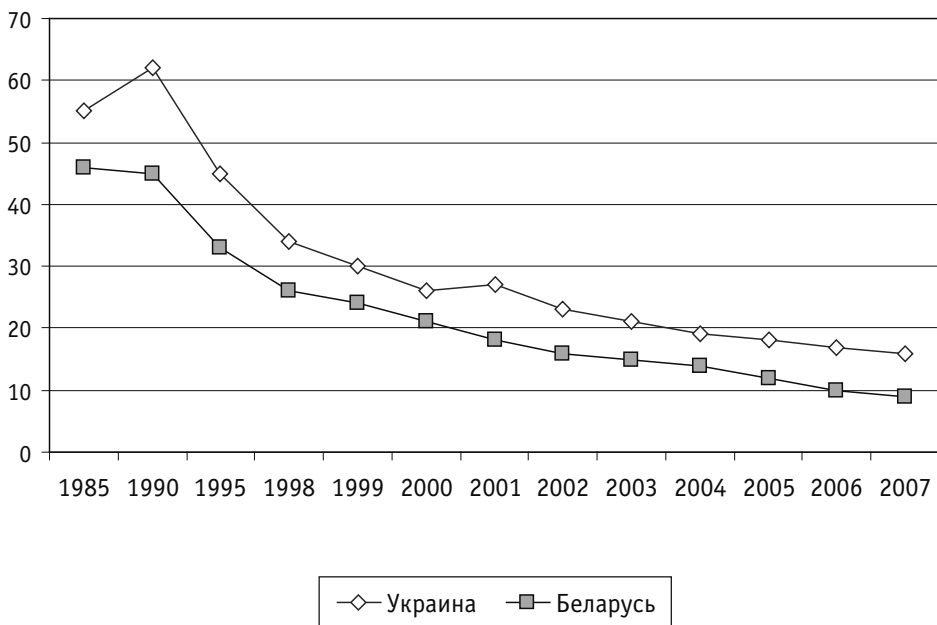

Рис. 3. Динамика показателей производственного травматизма в Украине и Беларуси (1985–2007) (число потерпевших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом, на 10000 работающих)

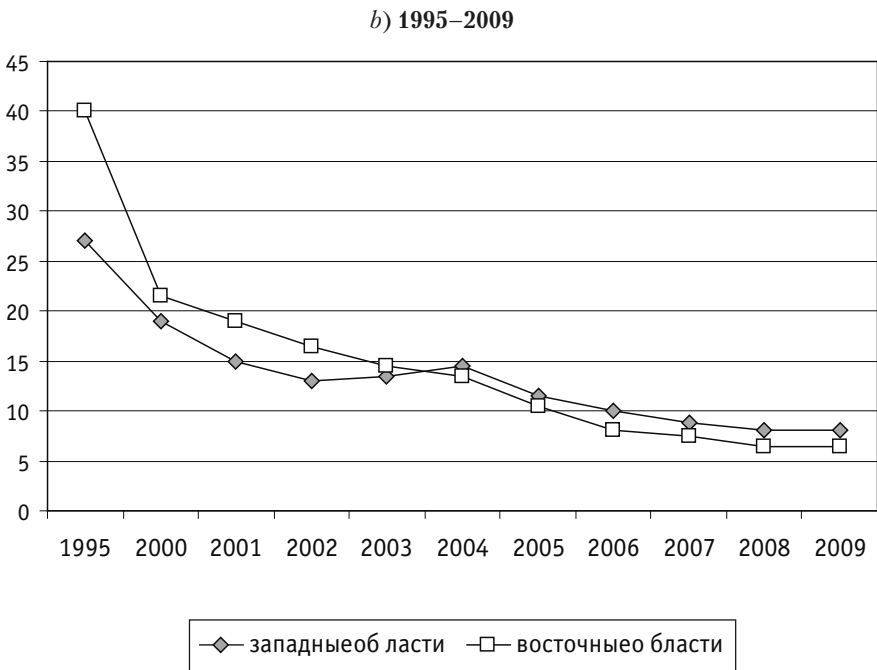
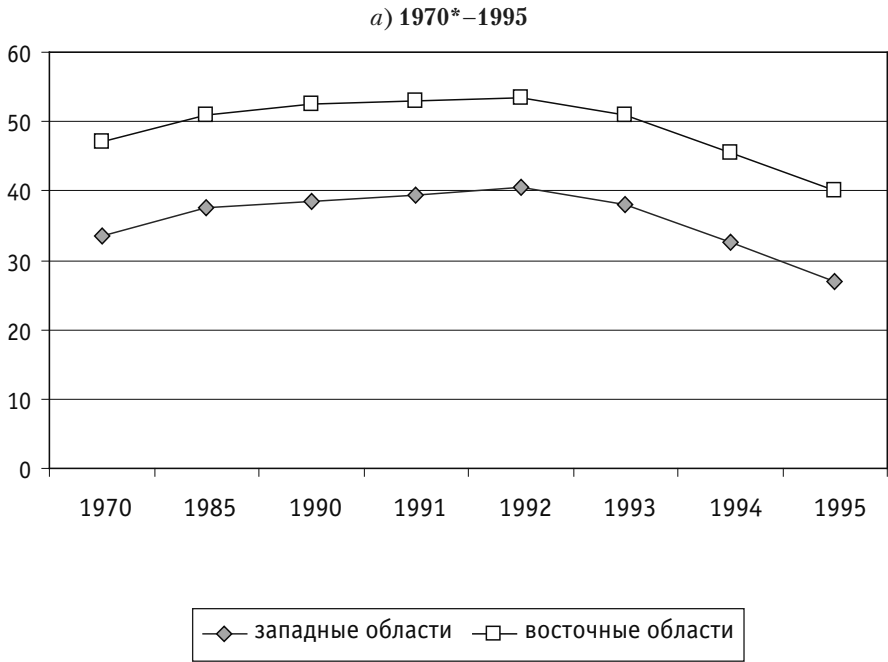

Рис. 4а, б. Динамика показателей производственного травматизма (число потерпевших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом, на 10 000 работающих) по двум западным и двум восточным областям Беларуси (представлены средние значения по регионам)

Примечания: В 1970-м году отчетность составлялась о случаях нетрудоспособности сроком более 4 суток, в последующем методика регистрации изменилась, в отчетность стали включать все случаи производственного травматизма, влекущие утрату трудоспособности (на срок от одних суток). Изменение методики регистрации показателя существенно не отразилось на характере межрегиональных отличий.

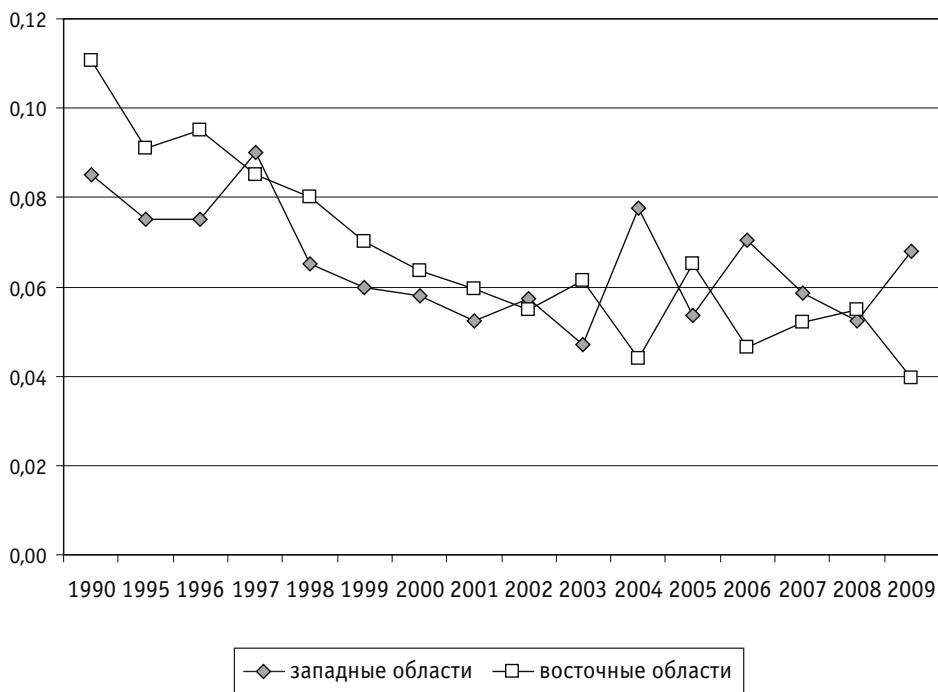

Рис. 5. Динамика показателей производственного травматизма со смертельным исходом (на 1 000 работающих) по двум западным и двум восточным областям Беларуси (представлены средние значения по регионам) (1990–2009)

Источники

Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам / Абдзіраловіч І. — Мінск : Навука і тэхніка, 1993.

Кандрычын С. Дифференциация социального пространства Украины и Беларуси как эффект “столкновения цивилизаций” / С. Кандрычын // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 4. — С. 74–96.

Кандрычын С. Нататкі да сацыяльна-дэмаграфічнага раянавання Беларусі / С. Кандрычын // Грамадзянская альтэрнатыва. — 1999. — № 6. — С. 27–41.

Кандрычын С. Преступность в ареале “столкновения цивилизаций”: пример Украины и Беларуси / С. Кандрычын // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 2. — С. 71–83.

Регионы Республики Беларусь : стат. сб. — Минск : Нац. стат. комитет. — (Ежегодное издание).

Салій І.М. Урбанізація в Україні: соціальний та управлінський аспекти / Салій І.М. — К. : Наук. думка, 2005.

Смоліч А. Геаграфія Беларусі / Смоліч А. — Мінск : Беларусь, 1993.

Статистика СНГ: О заболеваемости, инвалидности и смертности населения в странах содружества // Статистика СНГ: статистический бюллетень. — 2009. — № 5. — С. 51–92.

Braudel F. A History of civilization / Braudel F. — N. Y. : Penguin Books, 1995.

Braudel F. History and the Social Sciences: The longue durée / Braudel F. ; F. Braudel (ed.) On History. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — P. 25–54.

Braudel F. Morze śródziemne: Przestrzec i historia, ludzie i dziedzictwo / Braudel F. — Warszawa : Volumen, 1994.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations? / Huntington S.P. — N. Y. : Foreign Affairs Reader, 1993.

Kandryčyn S. Geografia społeczna i kontury historii: Podziały historyczne Białorusi w świetle danych statystyki społecznej, medycznej i demograficznej / Kandryčyn S. — Warszawa : Semper, 2008.

Kondrichin S. Suicide in Belarus / S. Kondrichin, D. Lester // Crisis. — 1998. — **19**. — P.167–171.

Kondrichin S. Suicide in the Ukraine / S. Kondrichin, D. Lester // Crisis. — 2002. — **23**. — P. 32–33.

Vovelle M. Ideologies and mentalities / Vovelle M. — Cambridge : Polity Press, 1990.